

Искателей разного по дорогам множество. Ну, конечно, среди них попадаются чудaki, идеалисты, мечтатели — этакие коллекционеры странностей. Это вымирающее племя, живущее на малообитаемом острове среди океана прагматизма. Это робинзоны, давно понявшие, что художник и одиночество родственны, что это естественно. Они занимаются своим делом, потому что не могут не делать его. Делают, не ожидая ни от океана, ни от небосвода никаких посулов. Но где они! И вообще... есть ли они!..

Но есть и другие. Этакие странствующие рыцари ордена жар-птицы, не умеющие жить в настоящем, вечно живущие в своем вымысле о будущем. Делая свое дело, они, хоть порой и радуются успехам, все же ищут свое загадочное завтра, порой не зная, где искать. Жизнь в легенде, а вернее, среди воздушных замков подводит некоторых неисправимых к возрасту, в котором, право же, более уместно утихомириться реальностью, если уж не дано умудриться.

Вот так и я через свои много десятилетий искал театр моей мечты. Восторженно встречался с многими академическими театрами, с их замечательными артистами в Москве, Минске, Киеве. Но скоро любимец (это я), он же возмутитель спокойствия, оставаясь нужным художником, становился нежелательным. Мои «буря и натиск» во имя строгости нового театра превращались в бурю и натиск инициативного меньшинства против меня. И хотя говорят, что это были не худшие времена театра, но они скоро кончались. Увы, полагаю я, — для двух сторон. К общему удивлению, снова и снова меня приглашают эти театры ставить спектакли, и я снова убеждаюсь, что это очень хорошие театры, в которых, увы, не хватает того-то, того-то, а есть, увы, то-то и то-то.

Наконец-то понял я, что не может быть театра, сложного по теории гоголевской новеллы из множества самых различных достоинств. Так в театре не бывает. Дошло его. Меня охватило недоверие — неужели действительно?

В Челябинске при подходе к театру меня окружает скакун, нет — лесопарк метров на 250, нет — ботанический сад с деревьями чарующей красоты. А что там внутри? Стесняясь своей недоверчивости, скрывая свое удивление, я переступаю порог служебного подъезда и встречаюсь с интеллигентной дамой, окруженной телефонами, пультом, телевизором, на удобном рабочем месте, похожем на сервизный кабинет из стали. Минутами долго называю по имени и отчеству, прошу подождать: «Сейчас спустится Наум Юрьевич...». Ему звонят, а я думаю — зачем это?

И вот появляется художественный руководитель театра народный артист России Наум Орлов. И это тоже странная — такой величавый театр, а передо мной как-то скромно возникает тихий человек и, почему-то виновато улыбувшись, ведет меня к себе наверх. Позже, когда я снова и снова буду сюда приезжать, я не перестану удивляться этому «антируководителю». Он никогда не закрывает, даже не записывает. Когда там, в кабинетной руке! Иногда в разговоре с артистами в кабинете он напоминает отчаянного врача. На совещаниях малословен, эпизодичен, речей не произносит; словно притаскивается к его меньше видели, слышали. И вдруг ставит дерзкие, ошеломляющие интересные спектакли с той акановой режиссурой, в которой царствуют артисты и покоряют сотворчество режиссера, художника, композитора. Опять удивляюсь — как могут так отличаться образ поведения человека и масштаб, и неуемность творца!

Но заглянем подальше, поглубже, туда, внутри. Орлов работает вместе с директором.

Так в театре не бывает

Культура. — 1993. — Июль. — с. 8

Отличный директор В. Макаров разумно (честь ему и слава) работает «на Орлова», оставляет последнее слово за Орловым. Вот мудрец! А получается дружный тандем.

В театре все вместе решили: нам не нужен худсовет. Его и нет. И никому в голову не приходит, что надо восстановить театральную демократию. «И нас тоже это устраивает», говорят артисты. Снова удивляюсь.

Я не слышал скандалов. С актерами, с постановочной частью, как это бывает в нормальных театрах (я ставлю здесь на первый, а четвертый спектакли). И представляю себе, актеры приходят на репетиции подготовленными, стараясь реализовать режиссерские ЦУ. Репетиции увлеченные, усердные, старательные, главное — методологически грамотные. И совершенно бесконфликтны! Вот уж действительно репетиция — любовь моя. Сейчас репетируем Островского, прошел мизансцену, мы еще в репетиционном зале, но все актеры в этот период импровизационных разведок знают тексты. Так они, очевидно, привыкли. Меня не удивляет методологическая подготовленность артистов потому, что это театр Наума Орлова. Мне просто нравятся различные актерские индивидуальности и

единство их репетиционных поисков. И еще — вкус, это где-то внутри, в подсознании, об этом не говорят.

Актеры работают в театре на контрактах, как теперь говорят, по договорным ценам. Ну всю ту коммерческую тайну я не приоткрою, но в сумме надбавок, премий и того, что называется секретом фирмы, актеры стабильно получают заметно увеличенную зарплату. Вот и получается, что труппа стабильна.

От добра добра не ищут. Но как бы удивительно не была эта истина, в Санкт-Петербурге, увы, хоть и редко, случаются потери: отъезд актеров в Москву, столичный соблазн прельщает, обнаддеживает. Трудная это штука — пересадка деревьев, растения привыкают к своей почве, вот и цветет пышным цветом. Хрупкая эта штука — талант и новая среда. Дай бог, лучшей судьбы московским и петербургским звездам! Челябинска.

И, наконец, о том, о чем может мечтать любой режиссер-идеалист. Это актерское товарищество. А оно есть. Что это, деликатность? Или взаимопомощь? Или простота, свобода, открытость взаимоотношений? Какая разница. Я знаю, что в хорошей репетиционной атмосфере можно сделать и плохой спектакль, но в

плохой — хороший спектакль не получится. Очевидно, есть и у них соревнование, и чувство престижа, и зависть, и равнодушие — ну как же без этого, — но это не видно, это за пределами допустимого или гласности.

Конечно, все эти семейные радости еще не рожают сами по себе хорошие спектакли, но театр полон, несмотря на новые повышенные цены за билет. И вряд ли все решают икарусы, развозящие зрителей после спектакля по пяти маршрутам в вечерний неспокойный час. Я все же думаю, в меру своей незначимости, что виноваты интересные спектакли.

И ведь что любопытно: репертуар не слишком оригинален, но слишком удивляет. Но как поставлены и сыграны актерами «Самоубийца» или «Зойкина квартира», вот что привлекает. Разумеется, есть и более оригинальные названия спектаклей. Но не в этом таится секрет успеха.

Репертуар коллекционируется. Это означает, что особо интересные спектакли снимаются с афиши рано, как только они начинают труднее продаваться. Делается перерыв на год-два, и потом зрители снова идут посмотреть восхитительный спектакль, пользовавшийся хорошей молвой. Эффект режиссерского рабства, — спек-

такль живет полторы жизни. А афиша театра повышает свой творческий рейтинг.

Я давно не видел таких декораций — образно, красиво, сложно сочиненных, главным художником театра Т. Дидишвили. И так тщательно, а порой дорого освоенных постановочной частью. И это в наш трудный век!

Что меня огорчает? Техника света и техника радиоакустики. Но и тут Орлов не дремлет. К нему уже приезжала бригада из Австрии, и переговоры начались. Дай бог.

Разумеется, пора заговорить персонально об актерех и конкретно о спектаклях, но это уже великолепно сделал А. Свободин в газете «Культура» 20 июня 1992 г., справедливо заметив, что театральные явления теперь стали происходить в так называемой провинции.

Я помню прекрасные гастроли в Москве. Как всегда это бывает, привезли «кота в мешке», и не все московские театралы успели узнать, что приехал особо интересный театр. А в этом году триумфально прошли гастроли в Вуппертале, Ганновере и Мюнхене. Орлов поразились грандиозности успеха. А я удивился, что его это удивило.

Кое-где в других театрах уже начали рассуждать так: «Зачем делать хорошие спектакли. Плохой или хороший — все равно зрителей не будет. Театры живы не сборами, а дотацией». Страшная правда. Но эти театры неадекватны и обречены. Через несколько лет государство быстро сообразит, какую «культуру» надо прикрыть как нерентабельное производство. В Челябинске идет борьба не столько за сборы, сколько за жизнь, то есть за «как-че-ство». Вот это манящее как — главная оригинальность и достоинство театра Наума Орлова, который он возмужал в 20 лет.

...Я выхожу из театра, в котором так приятно работать, и снова попадаю в лесную фантазию. Да не по чудности ли мне все это? Но вот они — красивые деревья. Существуют же и красивые спектакли, и красивые люди театра, и полный зрительный зал, и Наум Орлов со своей командой. Нет, не по чудности...

Значит, хоть не всегда, но все-таки так в театре бывает.

Борис ЭРИН, режиссер, заслуженный деятель искусства Украины.

Здание челябинского театра.

Наум Орлов.